

0 774917

На правах рукописи

ПУТИЛО Олег Олегович

**РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
В ПРОЗЕ «МОЛОДОГО ТОЛСТОГО»**

Специальность 10.01.01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2008

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный педагогический университет».

Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор
Долженко Александр Николаевич.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Долженко Людмила Васильевна (Волгоградский государственный педагогический университет);

кандидат филологических наук *Леонов Иван Сергеевич* (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина).

Ведущая организация — Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара.

Защита состоится 18 декабря 2008 г. в 13.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном педагогическом университете по адресу: 400131, г. Волгоград, пр.им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного педагогического университета.

Текст автореферата размещен на официальном сайте Волгоградского государственного педагогического университета: <http://www.vspu.ru> 18 ноября 2008 г.

Автореферат разослан 18 ноября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000514507

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Е.В. Брысина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В поисках новых подходов, необходимых для осмысления феномена русской классики, её нравственно-философских ценностей, особое внимание литературоведение последних лет уделяет анализу категорий «ум» и «сердце», рассматривая соотношение рационального и эмоционального как основу для постижения «внутреннего человека».

Разум и чувство представляют собой дихотомическую пару, восприятие неотделимости и неделимости которой менялось с течением времени. Однако неизменно осмысление писателями соотношения рационального и эмоционального сталкивалось с глобальным противоречием между рассудком и сердцем, что актуализировало вопрос о познании бытия с помощью разума или чувства, свидетельствовало о недостаточности рассудка, компенсируемой единством и целостностью «горячего сердца».

В определённой мере нивелировать оппозицию «ума» и «сердца» было призвано введение понятий «умное сердце» и «осердеченный ум»¹. «Ум сердца» основан на рассуждениях, в основе которых лежат чувства и ощущения, в первую очередь — иррациональное восприятие мира. В этом случае чувства преобладают над разумом, контролируя рассудок, процесс мышления подменяется интуицией, на основе которой и совершается поступок. Чистую же логику, анализ можно назвать «умом ума», в его основе лежит рациональное начало, контролирующее эмоции и заставляющее героев художественных произведений совершать поступки на основе обоснованных разумом фактов. Конечно, словосочетание «ум сердца» подразумевает наличие не только эмоционального, но и рационального, потому что чувство не существует отдельно от разума, однако «ум» анализирует и оценивает в первую очередь не логические выкладки, а выводы, сделанные «сердцем». В реалистических произведениях именно «ум ума» или «ум сердца» обуславливает логику действий персонажей, играя важнейшую роль в формировании как одиночного мотива, так и мотивации поведения героя в целом.

Беспрецедентное по глубине и целеустремленности художественное исследование бытия человека в сочтении «ума ума» и «ума сердца» осуществил в своих произведениях Л.Н. Толстой. Рассуждая о выбо-

¹ Буланов, А. М. Художественная феноменология изображения «сердечной жизни» в русской классике (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой): монография / А. М. Буланов. — Волгоград: Перемна, 2003. — С. 59.

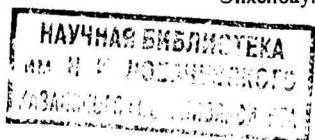
ре между этими категориями, классик отдавал предпочтение чувству, следуя тем ощущениям, которые ему диктует «ум сердца»: «Когда пишешь из головы — слова послушно и складно ложатся на бумагу. Когда же пишешь из сердца, мыслей в голове ... так много, в воображении столько образов, воспоминаний... Может быть, я ошибался, но я останавливал себя всегда, когда начинал писать из головы, и старался писать только из сердца»². По мнению писателя, именно «сердце» помогает сделать правильный выбор, когда ложные факты завселят «ум» в тупик.

В произведениях Л. Н. Толстого «душевная жизнь предстаёт в виде бесконечной и прихотливой смены состояний, над которыми не властно сознание, — текучесть человеческих переживаний, безостановочный процесс следующих друг за другом и часто противоречивых движений составляет главную сущность толстовского метода при изображении душевной жизни. Сознание разлагает её на моменты и оформляет самую последовательность»³. Данный способ психологического анализа, получивший наименование «диалектика души», был впервые отмечен Н. Г. Чернышевским, а затем тщательно исследован современными учёными (С. Г. Бочаров, Л. Я. Гинзбург, П. П. Громов, А. Б. Есин, Т. С. Карлова, А. П. Скафтымов, И. В. Страхов, Б. М. Эйхенбаум и др.).

Явление «молодого Толстого» (это определение было введено в научный оборот Б. М. Эйхенбаумом, выпустившим в 1922 г. книгу «Молодой Толстой») свидетельствовало о том, что в русскую литературу пришёл зрелый художник, практически миновавший период ученичества. Произведения, созданные в 1850-х — начале 1860-х гг., до того, как писатель приступил к работе над «Войной и миром» (что и позволило определить данный период как творчество «*молодого Толстого*»), неоднократно становились предметом исследования целого ряда учёных (Д. А. Абдуллиной, Л. И. Белого, Н. И. Бурнашёвой, Б. И. Бурсова, Е. Ю. Васильевой, П. П. Громова, Н. П. Лощина, Л. Е. Кочешковой, Е. Н. Купреяновой, А. Г. Татьяниной, И. В. Чуприны и др.). Тем не менее вопрос о том, какое воплощение в них нашёл дуализм рационального и эмоционального начал, практически не рассматривался, что и обусловило актуальность нашей работы.

² Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. (юб.) / Л. Н. Толстой. — М.— Л.: Гослитиздат, 1928 — 1959. — Т. 1. — С. 208. Далее ссылки на это издание с указанием тома (римские цифры) и страницы (арабские цифры) в тексте даны в круглых скобках.

³ Эйхенбаум, Б. М. О прозе / Б. М. Эйхенбаум. — Л.: Худож. лит., 1969. — С. 62.

Анализируя соотношения «головного» и «сердечного», современные литературоведы (А. М. Буланов, Н. В. Горьковская, Н. В. Гурева и др.) в качестве материала исследования отдавали предпочтение большому эпическому полотнам, в частности романам Л. Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина». Однако, с нашей точки зрения, представить эволюцию способов и средств воплощения сердечного и «головного» начал в «вершинных» произведениях Л. Н. Толстого невозможно без обращения к раннему творчеству писателя.

Объект настоящего диссертационного исследования — раннее творчество Л. Н. Толстого. **Материалом** послужили автобиографическая трилогия «Детство. Отрочество. Юность», рассказы «Записки маркера», «Рубка леса», «Набег», «Севастопольские рассказы», повести «Два гусара», «Казачи» и «Семейное счастье».

Предметом исследования является соотношение рационального и эмоционального в произведениях «молодого Толстого».

Цель работы состоит в том, чтобы выявить особенности и способы выражения соотношения рационального и эмоционального в раннем творчестве Л. Н. Толстого с позиции междисциплинарного синтеза психологии и литературоведения.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

— проанализировать особенности психологизма как способа изображения человеческого характера и отражения объективной реальности в раннем творчестве Л. Н. Толстого на основе теоретико-методологической интеграции литературоведения и психологии;

— проследить соотношение «головного» и сердечного начал в процессе социализации героя-ребёнка в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность»;

— изучить причины возникновения и способы проявления страха как одной из базовых эмоций в ходе анализа мотивационного комплекса, обусловившего действия персонажей «военных рассказов» Л. Н. Толстого;

— соотнести рациональные и эмоциональные аспекты поведения персонажей рассказа «Записки маркера» и повести «Два гусара» в ситуации игры;

— выявить дуализм рационального и чувственного в изображении мотивационного комплекса, регулирующего поведение героя и героини повести Л. Н. Толстого «Семейное счастье» в ситуации «испытание любовью»;

— определить соотношение «ума» и «сердца», естественного и мнимого в характеристике «природного» и «цивилизованного» типов людей в повести «Казачи».

При определении методологии исследования были учтены фундаментальные труды Л. Я. Гинзбург, Ю. М. Лотмана, А. П. Скафтымова, Б. М. Эйхенбаума, а также работы ведущих отечественных ученых, занимавшихся изучением творчества Л. Н. Толстого: Э. Г. Бабаева, С. Г. Бочарова, Б. И. Бурсова, Г. Я. Галаган, М. Б. Храпченко, К. Н. Ломунова, Е. Н. Купреяновой, Г. Б. Курляндской, В. А. Ковалёва и др.

Методы диссертационного исследования обусловлены его целями и задачами. В работе использованы метод целостного анализа идейно-художественной структуры произведения, историко-типологический и историко-функциональный методы.

В трактовке рационального и эмоционального автор данной работы исходил из концепции А. М. Буланова, получившей развитие в статьях и монографиях целого ряда учёных (Л. В. Долженко, Н. В. Горьковской, И. В. Кирилловой, Е. Ф. Манаенковой, Л. Н. Савиной, И. П. Шайкиной и др.). Рассматривая своеобразие психологизма произведений Л. Н. Толстого с позиций междисциплинарного синтеза, мы опирались на классические труды в области общей (Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, Е. П. Ильин, К. Изард), возрастной (Л. И. Божович, Г. М. Бреслав, В. В. Зеньковский, В. С. Мухина, Ф. Райс, Д. И. Фельдштейн, Э. Эриксон) и социальной (И. С. Кон, Д. Майерс) психологии.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в работе впервые с позиции синтеза литературоведения и психологии проанализирован мотивационный комплекс поведения персонажей ранней прозы Л. Н. Толстого, рассмотренный с учётом диалектического единства и борьбы эмоционального и рационального начал.

Теоретическая значимость диссертации заключается в углублении принципов междисциплинарного подхода к анализу рационального и эмоционального начал в творчестве писателя.

Практическая ценность работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы в вузовском курсе истории русской литературы, в практике школьного литературного образования, а также в процессе создания элективных курсов для классов с профильным уровнем обучения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Специфика психологизма в произведениях «молодого Толстого» обусловлена стремлением писателя к синтезу «генерализации» и «мелочности» в изображении описываемых явлений. Автор прибегает к сочетанию нескольких средств психологического анализа (внутренний монолог, «поток сознания», авторское описание чувств и

мыслей героев, их речежестового поведения и др.), чтобы показать духовную эволюцию персонажей, представить их психоэмоциональные состояния как сложный процесс, объясняемый не только воздействием внешней среды, но и внутренним противоборством «ума» и «сердца».

2. Сюжетно-композиционная структура автобиографических повестей Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» отражает процесс половой и социальной самоидентификации главного героя трилогии, что предполагает не только рациональное усвоение ребёнком различных социальных ролей, но и социализацию его эмоций. Формирование модели мира с позиции «нормативного воспитания», принятого в дворянской среде, включает воздействие на внутреннее «Я» Николеньки Иртеньева взрослой культуры, субкультуры детства и личных усилий самого ребёнка, проявляющихся в разных видах его интеллектуально-творческой и эмоциональной деятельности.

3. Преобладающими в «военных рассказах» Л. Н. Толстого являются страх смерти и страх перед позором — писатель подчеркивает социальное происхождение последнего типа страха, возникающего под влиянием тщеславия и ложных представлений о *comme il faut*, аристократического кодекса офицерской чести и нравственных установок дворянского общества.

4. В рассказе «Записки маркёра» и повести «Два гусара» карточная игра рассматривается Л. Н. Толстым как своеобразный «обряд инициации» молодого дворянина, связанный с освоением им «гусарского кодекса». Анализируя механизм игрового действия, писатель показывает, как человек при помощи игры пытается уйти от обыденных забот в мир ярких страстей, подавляющих доводы рассудка и создающих иллюзорную надежду на выход из духовного кризиса.

5. В повести «Семейное счастье» с позиции христианской антропологии Л. Н. Толстой рассматривает мужское и женское начала как «полное метафизическое вышешличное единение в одном существе» (С. Троицкий), определяя их на онтологическом и гносеологическом уровнях как элементы культурно-символических рядов: мужское — рациональное — духовное — божественное; женское — чувственное — телесное — греховное. В связи с этим процесс эволюции любовного чувства главной героини представлен автором как трансформация от любви страстно-эмоциональной до любви «к отцу её детей», то есть чувству, объясняемому не столько влечением сердца, сколько «головным» началом.

6. В повести «Казачи» «умственной эквилибристике» (К. Солев) Оленина противопоставлен натуральный, неискаженный и неразвращённый

щенный обществом образ мыслей казаков. Герои Толстого, относящиеся к «естественному типу», в своих поступках руководствуются «умом сердца», чувства же «цивилизованного» человека подвергаются контролю «голоса разума». Попытки перейти из одной категории в другую безнадежны: человек может лишь приблизиться к выбранному им идеалу, но искусственность его поведения видна любому представителю противоположной группы.

Апробация результатов исследования. Концепция, основные идеи и результаты работы обсуждались на международных Толстовских чтениях «Л. Н. Толстой и судьбы современной цивилизации» (Тула, 2003 г.), Международном научном симпозиуме «Русская словесность в поисках национальной идеи» (Волгоград, 2007 г.), международных конференциях «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре» (Волгоград 2003, 2005, 2007 гг.), «Восток — Запад: пространство русской литературы и фольклора» (Волгоград, 2006 г.); на всероссийских, межвузовских и региональных конференциях «Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых» (Москва, 2002, 2004, 2006 гг.), «Междисциплинарные связи при изучении литературы» (Саратов, 2003 г.), «Круг детского чтения сегодня: герои, сюжеты, поэтика» (Ставрополь, 2005 г.), «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» (Москва, 2006 г.); «Особенности духовно-нравственного формирования личности в современных условиях» (г. Михайловка Волгоградской области, 2008 г.), на кафедре литературы Волгоградского государственного педагогического университета.

Объём и структура работы определяются поставленной целью и характером исследуемого материала. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяются цели и задачи исследования, теоретико-методологическая база, обосновываются актуальность и научная новизна, отмечается теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе диссертации «*“Ум ума” и “ум сердца” в произведениях “молодого Толстого”*» рассмотрены особенности психологизма раннего творчества писателя, а также проанализированы рациональная и эмоциональная составляющие мотивационного комплекса, регулирующего поведение героев автобиографической трилогии «Детство. Отрочество. Юность» и «военных рассказов».

В первом параграфе «Принципы и средства психологического анализа в раннем творчестве Л. Н. Толстого» даётся определение психологизма, понимаемого как «особое качество прозы, которое достигается автором художественного произведения с помощью системы поэтических средств, раскрывающих внутренний мир героя, движение его чувств, мыслей, сознательных и импульсных порывов»⁴. К средствам психологического анализа современные исследователи относят портрет литературного героя, внешние проявления его внутренней жизни (мимика, жестикация, особенности речи, физиологические изменения, «психологическое бездействие»), сновидения, а также вещное окружение персонажа и пейзаж. Помимо этого, источником психологического анализа являются такие особенности повествования, как «одновременность действия внешне контрастирующих, но внутренне связанных сюжетных линий, переход внутреннего конфликта во внешний, знаковые и символические эпизоды, художественная антитеза (например, оппозиция “жизнь” — “смерть”) и непосредственно сама организация повествования (композиционно-повествовательные формы)»⁵. Разграничить данные приемы достаточно сложно, поскольку они используются в системе и тесно взаимодействуют друг с другом.

В своих произведениях Л. Н. Толстой прибегает сразу к нескольким средствам психологического анализа, чтобы в наивысшей степени убедительно и реалистично показать духовную эволюцию персонажей, передать их психоэмоциональные состояния как сложный процесс. Определённая «ослабленность» сюжетного действия компенсируется в ранних произведениях писателя сложнейшим комплексом внутреннего «созидания» личности, приобретения индивидом общественно значимого опыта, поэтому прежде всего внимание автора привлекает мотивационный комплекс, обуславливающий поступки и чувства персонажа. Именно изменение мотивационной сферы и определяет результативность процесса «диалектики души».

Толстой никогда не отделяет изображение поступков от психологической сферы. Связь чувств с действиями является для него формой анализа ничуть не менее важной, чем все другие. Эта форма есть почти во всех его произведениях: через внешние детали передается внутреннее состояние героев. Изображению «подробностей чувств», их

---

⁴ Барабаш, О. В. Психологизм как конструктивный компонент поэтики романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: дис. ... канд. филол. наук / Барабаш Ольга Владимировна. — М., 2008. — С. 9—10.

⁵ Там же. — С. 19.

развитию, переходу, изменению способствует описание снов. Толстой придаёт сновидениям особое значение, считая, что во сне истинное «Я» человека обнажается и он предстает таким, каков есть на самом деле. Писатель пытается проанализировать отдельные фазы сна, в том числе и процессы погружения в сон и пробуждения, отмечая «своеобразие мыслительных операций в сновидениях» и «эмоциональную насыщенность образов».

Говоря об особенностях психологизма в раннем творчестве Л. Н. Толстого, следует указать на литературные источники. Многие исследователи, в частности Б. М. Эйхенбаум, считают, что в ходе поиска способа изображения начинающий автор опирался на «методологию самонаблюдения», выработанную в «Дневниках» 1847—1851 гг., а также на художественный опыт западноевропейских художников: Стерна, Руссо, Тэффера, Диккенса и др.

Во *втором параграфе* «Рациональные и эмоциональные аспекты процесса социализации героя-ребенка в автобиографической трилогии „Детство. Отрочество. Юность“» рассматривается процесс духовного становления Николеньки Иртеньева.

По мнению Л. Н. Толстого, наряду с рациональным усвоением социально значимых ролей герой трилогии испытывает в процессе социализации ненамеренные, спонтанные воздействия, благодаря которым приобщается к культуре и становится полноправным и полноценным членом общества. Получаемая маленьким человеком в наследство от предыдущих поколений определенная модель мироздания служит ему опорой для построения индивидуальной картины мира и одновременно объединяет генерацию людей как культурную общность. Современный исследователь детской субкультуры М. В. Осорина выделяет три главных фактора, определяющих формирование модели мира ребёнка: «влияние “взрослой” культуры, активными проводниками которой являются прежде всего родители, а затем и другие воспитатели; личные усилия самого ребёнка, проявляющиеся в разных видах его интеллектуально-творческой деятельности, и воздействие детской субкультуры, традиции которой передаются из поколения в поколение детей»⁶. В автобиографических произведениях Л. Н. Толстого показаны все три составляющие этого процесса.

Отметим, что писатель воссоздаёт процесс социального становления не ребёнка вообще, а представителя аристократического дворянского сословия, живущего во вполне реальном историческом прост-

---

⁶ Осорина, М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М. В. Осорина. — СПб.: Питер 1999. — С. 12.

ранстве и времени и руководствовавшегося в своих действиях кодексом «нормативного воспитания» (О. С. Муравьёва). Приёмы «нормативного воспитания» в автобиографических повестях Л. Н. Толстого неоднократно становятся предметом рефлексии главного героя, достаточно вспомнить его замечание по поводу требований гувернантки Мими, предъявляемых детям (повесть «Детство»). Строгая регламентация поведения вызывает бурю эмоций в душе Николеньки, рождает у него желание противоречить и активизирует стремление избежать внешнего давления со стороны воспитательницы. Однако со временем главный герой автобиографической трилогии, рационально осмысливая обрядовый церемониал мира взрослых, всё же усваивает его правила. Достаточно вспомнить сцену бала в повести «Детство», когда Николенька, желая следовать традициям, для танца с Сонечкой пытается найти столь необходимую лайковую перчатку. Правда, травестированность данной художественной детали подчёркивается тем, что найденная перчатка никак не годится для танца: она чрезвычайно стара и грязна, слишком велика для мальчика, а главное — на ней недостаёт среднего пальца, отрезанного очень давно Карлом Ивановичем для больной руки.

Ребёнок в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого выступает в качестве наиболее строгого судьи в вопросах нравственности и морали, но он попадает в мир, где люди, к сожалению, утратили задатки совершенства, и не может не испытать на себе их воздействия. Для некоторых взрослых героев Толстого (папа, Мими, княгиня Корнакова и др.) умение произвести на окружающих хорошее впечатление является неким эталоном жизни. Постоянно отслеживая своё поведение и отмечая про себя реакцию других, они меняют свой образ действий, если он не производит в обществе ожидаемого эффекта. Социологи говорят в данном случае о высокой оценке человека по шкале самомониторинга, т. е. о «способности презентовать себя в социальных ситуациях и регулировать поведение с целью произвести желаемое впечатление»⁷. Конечно, подобная самопрезентация изначально не присуща герою-ребёнку, более того — она воспринимается им как нечто ложное. Неестественность и нелогичность поступков взрослых Николенька отмечает неоднократно, причём знаменательно, что ребёнок сначала эмоционально переживает «когнитивный диссонанс» (Л. Фестингер) и только потом рационально даёт оценку причинам подобного поведения. Так, знаменитый вельможа Иван

---

⁷ Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. — СПб.: Питер, 2000. — С. 177.

Иванович, желая похвалить Николеньку за слезы, преподнесённые бабушке к именинам, «больно ущипнул его за щёку». Резюме ребёнка подтверждает его способность, отринув эмоцию, среагировать на данный жест сообразно норме поведения: «Если я не вскрикнул, так только потому, что догадался принять это за ласку» (I, 55).

В процессе социализации наряду с рефлексивным усвоением ребёнком нормативного кодекса поведения немаловажную роль играет и сфера бессознательного. «Совершенно бессознательно» (I, 35) Николенька припадает губами к руке Катеньки, столь же бессознательно пытается открыть портфель папа. «Интерес Толстого к бессознательным формам обусловлен именно стремлением писателя изучить “тайные процессы психической” жизни человека (“Я сам себя интересую чрезвычайно”)». Несмотря на то, что Толстой преклонялся перед разумом, он не исключал возможности влияния бессознательного на внутренний мир человека, а следовательно, и на его деятельность»⁸.

Особое место в процессе духовного становления героя автобиографической трилогии занимает воздействие на него субкультуры детства. От дружбы-любви к Сереже Ивину в «Детстве» до полноценных дружеских отношений с Дмитрием Нехлюдовым в «Отрочестве» и «Юности» проходит цикл духовной жизни Николеньки. В обоих случаях герой трилогии играет подчиненную роль, но, когда кумиром мальчика становится Дмитрий Нехлюдов, человек, стоящий морально выше Ивина, дружба дает ценные результаты, воплощающиеся в виде «правильных» мыслей, близких как повествователю-ребенку, так и более зрелому рассказчику. Поскольку Нехлюдову были чужды грубые детские «забавы», герой повести «...неволью усвоил и его направление, сущность которого составляли восторженное обожание идеала добродетели и убеждение в назначении человека постоянно совершенствоваться» (II, 75). Нетрудно заметить, что выбор в качестве товарища Дмитрия Нехлюдова продиктован в первую очередь именно эмоциональной стороной натуры Николеньки, то есть «умом сердца».

Немыслим процесс социализации и без личных усилий самого ребёнка, проявляющихся в разных видах его интеллектуально-творческой деятельности. Отметим, что у маленького человека соотношение «ума» и «сердца» в силу неразвитости первого колеблется в сторону повышенной чувствительности, поэтому достаточно часто мы

---

⁸ Гуреева, Н. В. Поэтика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: бессознательно, художественное время, цветовая образность: дис. ... канд. филол. наук / Гуреева Наталья Вадимовна. — Н. Новгород, 2006. — С. 19.

наблюдаем почти полную психическую и социально-психическую свободу «дитяти» в выражении чувств. Так, в начале повествования Николенька, как и всякий ребёнок, еще не знает «никаких эмоциональных конфликтов...», наоборот, и природа, и люди, и вещи — все привлекает и манит к себе дитя, все восхищает его, пробуждает в нем эмоциональный резонанс, наполняет радостными переживаниями»⁹. Но с течением времени маленький герой подвергается воздействию окружающего мира, что накладывает на его чувства социальный отпечаток, происходит так называемая *социализация эмоций*. Вольно или невольно дети начинают копировать не только действия взрослых, но и подражать мимическим выражениям их чувств. Л. Н. Толстой демонстрирует это, воссоздавая поведение княгини Корнаковой и её дочек: «Когда она говорила о брате и особенно о том, как он против воли татап пошел в гусары, она сделала испуганное лицо, и все младшие княжны, сидевшие молча, сделали тоже испуганные лица; когда она говорила о кончине бабушки, она сделала печальное лицо, и все младшие княжны сделали то же; когда она вспомнила о том, как я ударил St. -Jergome'a и меня вывели, она засмеялась и показала дурные зубы, и все княжны засмеялись и показали дурные зубы (курсив мой. — О. П.)» (II, 131). Приведенная цитата свидетельствует о том, что прежде всего подросток копирует внешнее проявление эмоции, подчас рационально, даже не пытаясь осмыслить, что же он в данный момент чувствует. В трилогии эволюция чувства прослеживается с помощью подробного описания жестов, поз, мимики — непременных атрибутов почти любой эмоции. Особое внимание Николенька обращает на те жесты и мимику, которые резко не совпадают с высказываемыми взрослыми чувствами.

Психологизм в произведениях Л. Н. Толстого проявляется не только в верном изображении им одной, ведущей эмоции, например, эмоции страха или радости, но и в переживании героем трилогии парадоксальных паттернов, например, в сцене смерти матери. Отметим, что печаль, гнев, страх Николенька не может испытывать достаточно долго. Дело в том, что ребёнок не в состоянии сознательно применять такие средства, как когнитивная регуляция (использование внимания и мышления для подавления или контролирования нежелательной эмоции) или моторная регуляция (применение физической активности, снижающей эмоциональное переживание). Поэтому детское сознание обладает такой особенностью, как кратковременная память,

---

⁹ Зеньковский, В. В. Психология детства / В. В. Зеньковский. — М.: Академия, 1996 — С. 125.

позволяющей очень быстро забывать источники своей печали, сохраняя тем самым еще несформировавшуюся психику. Так, например, чтобы избавиться от чувства грусти, вызванного отъездом из родной усадьбы, мальчик старается представить, как он будет жить в Москве. Эмоциональные ожидания, связанные с изменениями привычного ритма жизни, приводят ребёнка к тактике избегания, он старается не думать об отъезде, находя удовольствие в предстоящей охоте. Следует отметить, что гипертрофированная эмоциональность главного героя проявляется в сходной форме в различных частях трилогии. «Повышенный градус» сердечного чувства Николеньки позволяет писателю, демонстрируя процесс социализации ребёнка, провести его через своеобразное «испытание» любовью, виной, стыдом и страхом.

Конечно, в процессе социализации изменение претерпевает не только эмоциональная, но и рациональная сторона личности ребенка. Автобиографическая трилогия представляется писателю «средоточием душевного содержания, которое должно было составить перспективу духовного роста центрального персонажа. Герой, по замыслу Толстого, должен был уходить из детства в мир душевных волнений, а затем, с опытом проб и ошибок, возвращаться к прежним ценностям. Они оказывались достижимыми лишь при выработке определенных норм уже сознательного восприятия этих конечных ориентиров, т. е. в ходе духовного роста»¹⁰. Авторская логика процесса социализации личности ребёнка подразумевает переходы с одного этапа на другой, которые сопровождаются не только приобретениями, но и потерями, и возвратом к чему-то утраченному.

В *третьем параграфе* «Эмоция страха и её отражение в “военных рассказах” Л. Н. Толстого (“Набег”, “Рубка леса”, “Севастопольские рассказы”»)» исследуется мотивационный комплекс, определяющий поведение персонажей толстовской прозы. Известно, что в основе практически любой деятельности человека лежат осознанные мотивы, тесно связанные с потребностями. Существуют потребности биологические (например, чувство самосохранения, действующее через такую человеческую эмоцию, как страх), потребности эмоциональные (стремление продлить или прекратить действие какого-либо чувства) и потребности, в основе зарождения которых лежит работа разума. Как правило, в процессе формирования мотива субъект старается рационально обосновать возникшее чувство или мысль, поэтому для

---

¹⁰ Абдуллина, Д. А. Художественная аксиология в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук / Абдуллина Диана Асатовна. — Магнитогорск. 2005. — С. 7.

художника слова немаловажен вопрос о том, что лежит в основе формирования мотива поведения персонажа: «ум» или «сердце»?

Преобладающей эмоцией, определяющей мотивацию поведения героев «военных рассказов» Л. Н. Толстого, является чувство страха перед смертью и страха перед позором. Правда, на первый взгляд, участники военных действий кажутся бесчувственными и хладнокровными, но это объясняется приспособляемостью человеческого организма к окружающим его условиям. Переживания героев несколько «притуплены», потому что ощущение близкой гибели, постоянно давящее чувство страха снижают эмоциональный порог, воздействуя на восприимчивость субъекта. Поэтому так невозмутимо бывалые солдаты и офицеры взирают на ужасы войны, ожесточающей человеческие сердца. Кажущееся спокойствие — лишь внешний атрибут поведения, истинные чувства скрыты глубоко внутри. За показным равнодушием прячут страх лишь в силу другого ужаса — нежелания показать себя трусом. Страх перед смертью, которая ждет на бастионах, — это проявление животного начала в людях, защитный рефлекс, объяснимый и необходимый. Однако социальные воздействия, производимые обществом над личностью, и делают homo sapiens человеком. Боязнь оказаться несмелым придает должные силы для противодействия страху смерти. Как известно, существует несколько способов преодоления страха: уничтожение источника, пробуждающего его, то есть войны (что, по понятным причинам, неосуществимо), замена другим переживанием (другие эмоции были бы не совсем уместны, но, тем не менее, кипящая городская жизнь, вечерние банкеты — это и есть подмена страха эмоцией радости), и избегание данной эмоции.

Избирательность человека в выборе форм подавления страха находит отражение в создании Толстым двух типов литературных героев: это честолюбивые, использующие войну в своих личных целях люди и честные малые, которые «обязаны по своему долгу служить» (III, 64). И те, и другие незадолго до «дела» испытывают сложный паттерн эмоций, где основную роль играют страх перед смертью и сопутствующая ему тревога. Анализируя поведение солдат и офицеров в бою, Толстой вовсе не считает отсутствие страха проявлением храбрости. Более того, следуя логике, человек должен попытаться сохранить себя от глупой гибели вне схватки, чтобы иметь возможность проявить смелость в момент боя. В сознании людей, подобных капитану Хлопову, страх смерти ослабляется или отсутствует вовсе «за счёт снятия противоречия между бесконечностью жизни вообще и прерывностью индивидуального бытия, что происходит у героев Тол-

стого двояким способом: либо за счёт религиозного сознания, либо за счёт сознания пантеистического. Любопытно, что приобщение к той или другой модели сознания происходит в большей степени интуитивно и требует наивной и открытой души, что свойственно или детям, или людям из народа»¹¹. Примечательно, что таких, как Хлопов, Калугин и подобные ему, офицеры воспринимают как трусов. Для честолюбивых аристократов существует написанный кодекс поведения «настоящего» благородного человека на войне — это храбрость, полное пренебрежение смертью, намеренный риск, удальство — все эти качества неоднократно офицеры демонстрируют друг перед другом, что придает показательный характер их поведению.

По мнению автора, страх «потерять лицо», свойственный, кстати, только офицерам из аристократов, оказывается вредным и губительным. Как и в трилогии «Детство. Отрочество. Юность», Толстой обращается к проблеме человека *comme il faut*, рассматривая ее уже в другом аспекте. Однако основной вывод, сделанный автором, остается прежним. Главной мотивационной причиной поведения представителей дворянского сословия является их самолюбие и тщеславие. Толстой подчеркивает, что настоящая храбрость — это риск при «строгой необходимости», рассматриваемый не как хвастливое, показное геройство, а как духовное человеческое мужество.

Передавая переживание страха героями «военных рассказов», Толстой прибегает к внутреннему монологу, служащему средством создания образа персонажа. Эта форма психологизма, имитируя процесс размышлений и переживаний героя, демонстрирует эволюцию чувства, перетекание его из одной формы в другую, возникновение и развитие мысли, а значит, позволяет выявить соотношение рационального и эмоционального в художественной мотивации поведения героев рассказов. Противоречивость психических процессов, сложность внутренней жизни человека могут быть переданы в виде «потока сознания». Благодаря этой форме выражения внутреннего состояния героя читатель делается свидетелем всех мельчайших изменений в психике персонажей. Обычно это наблюдается при изображении пограничных состояний сознания: полусна, бреда, нервного возбуждения, умирания. Как правило, иррациональные монологи знаменуют собой моменты переживания персонажами военных рассказов эмоциональных потрясений.

---

¹¹ Нагина, К. А. Бытие сознательное и сущностное: к вопросу о становлении типологии толстовских героев / К. А. Нагина // Духовное наследие Л. Н. Толстого и современность: материалы XXVI междунар. Толстовских чтений. — Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2000. — Ч. 1. — С. 116.

Итак, сравнивая два варианта поведения человека на войче, два вида отношения к страху, Толстой дает понять читателю, что его симпатии на стороне тех, кто не рискует жизнью понапрасну, кому чужды идеалы *comme il faut*. Победу обеспечивают не тщеславные офицеры, логически оправдывающие любые действия во имя стремления к личной славе, чинам и наградам, а простые труженики военного дела, интуитивно обладающие «скрытой теплотой патриотизма» (XI, 210).

Во второй главе «*Изображение психологии страсти в раннем творчестве Л. Н. Толстого*» рассматриваются механизмы поведения людей, попавших во власть страсти, стойкого чувства, которое для своего удовлетворения вызывает у индивида стремление к активной деятельности или аффектам, «бурным, кратковременным эмоциональным вспышкам, захватывающим всю личность человека» (Я. Л. Коломинский).

В первом параграфе «*Психология игры в рассказе “Записки маркера” и повести “Два гусара”*» проанализированы этапы развития страсти игрока — от зарождения до финала. Проблема преодоления страстей являлась едва ли не самой важной для Л. Н. Толстого в годы его молодости и зрелости. Стремление к совершенствованию, постоянное недовольство собой, борьба духа и плоти, осознание бессилия великого разума перед греховными страстями всецело заполняли его внутренний мир. Писателя волновали вопросы о том, способен человек подчинить губительное влечение голосу разума или же «рассудок, действуя опосредованно, бессилен против страсти» (XLVI: 184).

Наиболее полное воплощение эти раздумья нашли в изображении феномена игрового действия. В произведениях Толстого игра может представлять собой своеобразный обряд «посвящения» во взрослую жизнь, некое подобие инициации; она может быть продиктована стремлением индивида поправить пошатнувшееся материальное состояние, решить с помощью фортуны имущественные проблемы, а затем, разбогатев, приобрести иной социальный статус; наконец, игра может являться действенным средством, помогающим уйти от забот реального мира с его пошлой обыденностью в мир ярких страстей, что создает иллюзорную надежду на выход из духовного кризиса и избавления от хандры и желчи.

Игра для мужчины-дворянина становится одним из важнейших символов светской жизни, означающим принадлежность человека к определенному кругу, центром «своеобразного мифообразования эпохи» (Ю. М. Лотман), составной частью комплекса, получившего в исторической и культурно-бытовой жизни русского общества пер-

вой трети XIX в. название «гусарство». В повести «Два гусара», погружая читателя в «эпоху Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных», Л. Н. Толстой создаёт яркий образ графа Фёдора Турбина, натуры сильной, неординарной, которая, однако, управляется не разумом, а страстями («картёжник, дуэлист, соблазнитель; но гусар — душа») (III, 148) — гласит о нём общественное мнение). Спасая «неофита» игры — юного улана Ильина — от бесчестья или пули в лоб, Турбин пытается побудить шулера Лухнова сыграть с ним, опытным игроком, надеясь честным способом вернуть деньги. Встретив отказ, страстный и порывистый гусар наносит страшный удар в голову шулера, забирает выигрыш и отдаёт его Ильину.

Полной противоположностью отцу является Турбин-младший, живущий в другое время и по иным законам. Сущность характеров этих героев проявляется в двух эпизодах: игре в карты и сцене любовного свидания. Насколько благороден и страстен старший Турбин, настолько же мелочен и ничтожен его сын, утративший сам дух «гусарства». Озабоченный собственной карьерой, красавец-граф эгоистически «использует» людей, не отличаясь ни широтой души, ни истинным благородством. Страсти не волнуют сердце молодого графа, он предельно рационалистичен и в попытке пожить за счёт своего товарища Полозова, и в решении обыграть радушно принявшую господ офицеров Анну Федоровну, в которую когда-то был влюблён его отец, и в стремлении приволокнуться за её дочь. Да и в самой манере игры сына не осталось ни капли эмоционального порыва отца. Критикуя в повести «Два гусара» практицизм и рационализм Турбина-младшего, Толстой не столько противопоставляет историю и современность, сколько хочет найти «точки соприкосновения между ними» (Б. И. Бурсов), лежащие в области гармонизации «ума» и «сердца».

Писателя интересует и то, как игра постепенно «овладевает» человеком. И главный герой «Записок маркера», и улан Ильин («Два гусара») осознают свою тягу к игре, но ничего не могут с этим поделать. Со временем игра полностью подчиняет сознание индивида, побуждая его измениться и внешне, и внутренне, в человеке «выгорают» лучшие чувства, он не может думать ни о чем другом, кроме игры. Наиболее полно процесс вовлечения в игровое действие представлен в рассказе «Записки маркёра», герой которого Нехлюдов поначалу желает пережить атмосферу азарта и стать причастным к миру «серьёзных игроков», пройдя своеобразное «посвящение» в мужчины. Побудительной причиной включения индивида в игровое действие является и «желание забыться, освободиться от фактичности, от непре-

станного долженствования так-бытия, освободиться хотя бы не в действительности, а “понарошку”, забыть на время невзгоды и бежать в более счастливый мир грез»¹².

В рассказе «Записки маркёра» Л. Н. Толстой раскрывает «механику» вовлечения новичка в игровую мир, требующую от опытных завсегдаев трактира знания психологии и своеобразной игровой стратегии, что демонстрируют и партнеры Нехлюдова, и сам маркер. В известный момент они могут притвориться неумехами, «“скрывающая” игру», уступая по мелочам, вселяя в новичка уверенность в своих собственных силах, лстя его самолюбию, хваля заведомо неудачные удары. Сюжетное действие приобретает двуплановость: одна игра ведётся на бильярдном поле, другая, психологическая, — вокруг него. В этой игре ставка не на шары, а на человеческую душу, соблазн игрой дополняется утратой невинности, потерей чести, сближением с порочными людьми. Нехлюдов погружается в атмосферу страсти и разврата. Не будучи в силах сопротивляться окружающему его обществу, он лишается духовной и телесной чистоты.

Оба молодых человека, и Ильин, и Нехлюдов, видят только один выход из создавшейся ситуации — самоубийство. Но если Ильина, еще не погрузившегося окончательно в губительную пучину страстей, еще можно спасти (что и делает оказавшийся рядом граф Турбин), то погибшую душу Нехлюдова не способна возвысить даже близость смерти. Герой «Записок маркёра» не смог сохранить жизнь не только потому, что не обладал достаточной силой воли для преодоления пагубной страсти, но и потому, что не захотел услышать свой «внутренний голос». Этот внутренний голос и есть «ум сердца», от которого Нехлюдов отказался во имя тщеславия и удовольствия, получаемого в процессе игры. Таким образом, к трагичному финалу Нехлюдова привела не столько страсть к игре, сколько неумение или нежелание следовать рациональным позывам своего нравственного чувства, т. е. «уму сердца».

Второй параграф «Диалектика “ума” и “сердца” в ситуации “испытания любовью” героев повести Л. Н. Толстого “Семейное счастье”» посвящён анализу взглядов писателя на двойственную природу мужчины и женщины, сочетающую духовное и чувственное. Отметим, что нравственно-философская концепция пола в произведениях молодого Толстого близка христианской антропологии, рассматривающей человека как синтез мужского и женского начал: «И сотворил Бог

---

¹² Финк, Е. Проблема человека в западной философии / Е. Финк. — М.: Прогресс, 1988. — С. 360.

человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Бытие, 1, 27). Отметим, что создание женщины было обусловлено не только необходимостью преодоления одиночества первочеловека, но и восприятием гендерного синкретизма как абсолютно гармоничного состояния мира. Женщина призвана была восполнить бытийное начало в жизни мужчины, ибо «не хорошо быть человеку одному» (Бытие, 2, 18). «Это пребывание с мужем, — пишет С. Троицкий в своей книге “Христианская философия брака”, — не есть лишь пространственная близость. Нет, это есть полное метафизическое вышелеичное единение в одном существе»¹³.

Общеизвестно, что к эмансипированной «жоржзандовской» женщине Л. Н. Толстой относился крайне негативно, признавая целесообразность брака, пока женщина способна рожать и воспитывать детей. По мнению писателя, в семейных отношениях нет места любовным чувствам, тем более страстям, поскольку человек, подверженный страстям, в лучшем случае видит в жене объект чувственного наслаждения, в худшем, удовлетворяя свою греховную страсть, ищет наслаждений на стороне. Таким образом, пока человек следует за своими чувствами, он способен поступиться семейными ценностями ради очередной из страстей. В «Семейном счастье» подчеркнута необходимость отсутствия страсти как едва ли не самого важного условия для того, чтобы брак был стабильным и стойким. Свою надежду построить прочную связь между мужчиной и женщиной Толстой связывал с отсутствием чувственности. Только отказавшись от страсти, от связанных с нею романтических мотивов, влияющих на поведение человека, герои смогли прийти к семейной идиллии.

В попытках дать подробный анализ внутренней жизни главной героини Толстой прибегает к непривычному для себя приему. Несмотря на то, что автор повести — мужчина, повествование ведется от лица женщины — Марьи Александровны. Это уже создает трудности для писателя, так как ему приходится давать оценку событиям не со стороны и даже не от лица героя-мужчины, а переживать все сердцем женщины.

В начале повествования Маша ведет себя согласно романтическим канонам, ожидая героя, с которым мечтает связать свою жизнь. Сергею Михайловичу же не по душе романтические сцены, они кажутся ему неестественными, наигранными, а стало быть, ложными. Боязнь обнажить свои чувства, попасть в неловкую, подчас комичную, ситу-

---

¹³ Троицкий, С. Христианская философия брака / С. Троицкий // Русский эрос. или Философия любви в России. — М., 1991. — С. 383.

ацию сковывают героя Толстого, «запуская» механизм подавления страсти. Совместная жизнь в имении мужа в первые месяцы брака кажется героине необыкновенно эмоциональной, это впечатление тем сильнее, что передается глазами влюбленной женщины. Стремление Маши к самосовершенствованию, а точнее ее желание соответствовать идеалу Сергея Михайловича, объясняется тем, что она, с ее романтическими представлениями о жизни, не вписывается в его мир и должна подстраиваться к нему, менять себя.

Сергей Михайлович, воплотивший в себе все требуемые писателем от мужчины-супруга качества, возвысился над плотью и любит свою жену а-чувственной любовью. Поэтому главному атрибуту плоти — красивой внешности супруги — он не придает никакого значения. По мнению автора, любовь-дружба, испытываемая к Марье со стороны Сергея Михайловича, есть свидетельство его чистоплотности и «смирненности». Однако чувство влюбленности вскоре сменяется каким-то беспокойством, похожим на чувство страха: но если муж боится перемен в их тихой и спокойной жизни, то жена испытывает страх перед необходимостью оставаться в деревне, в то время как ей хочется «волнений, опасностей и самопожертвования», а не «спокойного течения жизни».

Реализовав свою мечту — переезд в Петербург, героиня чувствует себя, в отличие от мужа, успокоенной, она ведет себя эгоистично, старается не замечать боль и тревогу на лице супруга, даже не задумывается над причинами появления этих чувств. Марья Александровна не видит объективных причин, препятствующих длительной жизни в столице; будучи эмоциональной натурой, она подпала под власть новой страсти — увлечения светской жизнью. Любовь к мужу отходит на второй план. Основной принцип всякой истинной любви — самопожертвование, принцип, который героиня повести всегда считала основным достоинством своего чувства, — был забыт: теперь муж должен был пожертвовать своими интересами ради увлечений жены. Конечно, успехи жены, с одной стороны, наполняют его гордостью, но с другой — неизмеримо большей, расстраивают его, так как повышенное внимание к жене со стороны других людей отдаляет ее от него, заставляя ревновать. Именно вспышка ревности стала краеугольным камнем недоверия между супругами на многие годы. Ревность — чувство, не подвластное разуму: ревнивец везде видит предательство и измену, ибо страсти всецело владеют им. Но героиня не понимает причины странного поведения своего супруга и всерьез полагает, что все ее действия направлены на доставление мужу удовольствия. Подобная недалекость — признак неопытной мо-

лодости, не сформировавшегося еще «ума сердца», который мог бы ей помочь почувствовать настоящее положение вещей.

Толстой убергает свою героиню от окончательного падения. Разочарование Маши в романтических идеалах, произошедшее после ее приключения в Бадене, приводит молодую женщину к пониманию того, что романтическая схема, по которой она предполагала жить, не подходит для семьи уже потому, что принципиально эгоцентрична. Противопоставляя эгоистичную любовь любви-заботе, любви-дарению, автор подчёркивает, что страсть не может лежать в основе семейных отношений, а следовательно, муж и жена должны руководствоваться не спонтанными проявлениями «сердца», а чувствами, основывающимися на рационалистическом отношении к браку как к союзу, основной целью которого является продолжение рода.

В *параграфе третьем* «*“Естественное” и “мнимое” в поведении “цивилизованного” и “природного” человека в повести “Казачи”*» рассматривается конфликт образованного меньшинства и народной массы, проявившийся в невозможности слияния этих двух стихий как носителей диаметрально противоположных жизненных идей. Следование внешне принятым нормам поведения, характерным для цивилизованного человека, стимулирует «умственный» рост личности, формирует рационалистический взгляд на окружающую действительность и своё место в ней, поэтому попытка представителя цивилизации войти в мир патриархальной красоты, живущей по законам «сердца», заранее обречена.

Повесть «Казачи» прославляет натуральный, неискаженный и неразвращенный обществом образ жизни. Здесь «умственной эквилибристике» (Солев Коста) Оленина писатель противопоставляет казачью естественность и непринужденность. Отправляясь служить на Кавказ, герой повести бежит от «цивилизации», но не порывает с ней. Вопрос о мотивах, побудивших его уехать из столицы, неоднозначен. Конечно, не только прагматические расчеты движут героем, сыграли свою роль и его романтические воззрения, но, тем не менее, разум подавляет все эмоциональные призывы. Герой не может забыть свое прошлое, так или иначе сформировавшее его характер. Всякое напоминание о мире, с которым он расстался, огорчает Оленина, Так, например, приехав в Ставрополь, он с раздражением наблюдает реалии «отринутой им жизни»: французские вывески на магазинах, нарядных дам в колясках.

Новый мир, открывающийся перед молодым человеком, кажется ему более привлекательным. В нём обретаются три народа: горцы, казачи и солдаты. Первые два, несмотря на разную национальную

принадлежность, близки друг другу по духу и традициям. Горская культура с неоспоримой важной общественной ролью мужчины и большим влиянием и весом в быту женщины — культура Востока. По сравнению с ней традиционную русскую культуру можно считать западной. Восток и Запад олицетворяют противостояние эмоционального и рационального. Восточные люди всегда воспринимались как носители горячих страстей, а холодный расчет и обдуманность в поступках считались чертой западного человека. И хотя в истории и литературе были исключения, но большая часть представителей того или иного народа соответствует этим стереотипам.

Станичная жизнь, что на русском, что на горском берегах, размеренна и близка к природному циклу. Рефлексия не является уделом казаков, их философия жизни предполагает принятие естественного права человека, подобно зверю, защищать себя и своих близких, подчиняясь голосу инстинкта. Человек же цивилизованный не может отдаться стихии без попытки рационально осознать внутренние пружины собственных мыслей и поступков. Таким образом, природа в «Казаках» изображается Толстым как показатель полноты или ущербности духовного содержания человека и вместе с тем как одна из сил, при помощи которой он непрерывно усовершенствует самого себя.

Иным по отношению к цивилизованному миру является и поведение «природного человека», ярким примером которого является дядя Ерошка. Искренний в чувствах и высказываниях, Ерошка «ничего не жалел», потому что в жизни ничего не копил, со всем мог легко расстаться и при этом не сожалеть о потерянном. Это подтверждается и его образом жизни, близким горцам, которые скорее «добудут» лошадь, чем купят ее. Привычный, рациональный, законный, с точки зрения цивилизованного мира, способ — не для него. Конечно, далеко не каждый представитель природного мира «прост» так, как Ерошка. Например, хорунжий, «казак образованный... и благородный» (VI, 68), не упустил случая вытребовать с юнкера шесть «монетов» за постой. Изю всех сил этот казак стремится приблизиться к «цивилизованным» людям, выказывая свою начитанность. Но «по его загорелому лицу, и по рукам, и по красноватому носу», по увлечению рыбалкой видно, что он — «тот же дядя Ерошка» (VI, 68). Оленин так же легко подмечает неестественность поведения хорунжего, как окружающие его казаки — неестественность поступков самого юнкера.

Именно Ерошка становится «проводником» Оленина, объясняя ему принципы жизни в казачьей станице. В силу своего неопределенного положения юнкер не может понять, как ему следует вести себя с

Марьянкой Воспитанный на принципах западного общества, Оленин полагает, что «завести девку» — грех. Ерошка объясняет Оленину свою точку зрения на взаимоотношения полов: «Бог тебя сделал, Бог и девку сделал... На то она сделана, чтобы ее любить да на нее радоваться... Ни в чем греха нет» (VI, 55—56). Но Оленин не казак и не может быть так прост в словах и поступках, как Ерошка или Лукашка, в силу нравственного чувства герой повести не может допустить и таких отношений, которые возможны между богатым офицером и казачкой-девкой. Порой юнкеру приходит в голову серьезная мысль в корне изменить свою жизнь: «бросить все, приписаться в казаки, купить избу, скотину, жениться...» (VI, 102). Но окончательно отдаться страсти к Марьянке Оленин не может, так как его разум против такого иррационального поступка.

То, что недоступно главному герою повести, реализует в отношениях с казаками князь Белецкий, давний знакомый Оленина еще по прежней жизни. Устремления Белецкого, заманившие его на Кавказ, прагматичны: «сделать карьеру... крест... чин» (VI, 89). Казалось бы, подобная рациональность в жизненном подходе должна еще более отдалить князя от «естественных» людей, но отношение к женщине как к объекту, заслуживающему восхищения и наслаждения, роднит князя с казаками. И если юнкер за долгое время так и не смог стать для казаков своим, то Белецкий «в один месяц стал как бы старожилом станицы» (VI, 90). Мотивация поведения Белецкого была понятна всем казакам, Оленин же остаётся для них загадкой. И хотя первый говорил о рациональных мотивах своего пребывания на Кавказе, а второй — предавался романтическим мечтаниям, на деле князь оказался более искренним и естественным в своих поступках.

Жители станицы так и не смогли понять и полюбить Оленина, хотя тот и старался во всем подражать «природным» людям. Нестестовенность и фальшь этого подражания ясно чувствовались всеми героями повествования. Да и сам Оленин обманывался, поскольку в своих поступках он руководствовался не первоначальными эмоциональными порывами, а прагматическими подсознательными позывами «ума». К его чувствам всегда примешивался контролирующий голос разума, указующего на причины и цели поступка. Слишком разными оказались люди, воспитанные «цивилизацией» и «природой». Попытки перейти из одной категории в другую, оставив прежнюю жизнь, безнадежны: человек может лишь приблизиться к выбранному идеалу, как хорунжий, пестующий свою «образованность» и «благородство», или как Белецкий, искренне увлекающийся девушками, вином и «балами». Но искусственность поступков, внутренние

отличия видны любому представителю противоположной группы: князь по-прежнему остается офицером, а хорунжий — казаком. Основы культуры, разная степень эмоциональности, заложенные в процессе воспитания обществом, навсегда формируют у человека приоритет или рационального, или эмоционального начала. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что герои Толстого, относящиеся к «естественному типу», в своих поступках руководствуются «умом сердца», попытки «цивилизованного» человека жить жизнью «сердца» обречены на неудачу, так как в большинстве случаев основной мотивации его действий являются рациональные побуждения, а чувства подвергаются контролю «голоса разума».

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего изучения дуализма рационального и эмоционального в творчестве Л. Н. Толстого.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статья в журнале, входящем в список ВАК

1. Путило, О. О. Художественная мотивация героев рассказа Л. Н. Толстого «Севастополь в августе 1855 года» / О. О. Путило // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. — 2008. — № 6 (30). — С. 146—150 (0,5 п. л.).

Статьи и тезисы докладов в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

2. Путило, О. О. Психологический аспект изучения эмоционального мира персонажей-детей в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого / О. О. Путило // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. науч. тр. — Саратов: Изд-во СГУ, 2003. — С. 69—73 (0,4 п. л.).

3. Путило, О. О. Эмоция стыда и её отражение в трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» / О. О. Путило // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых: материалы Первой межвуз. конф. молодых учёных. — М. — Ярославль: МПГУ: Ремдер, 2002. — С. 39—42 (0,4 п. л.).

4. Путило, О. О. Психология игры и её отображение в рассказе Л. Н. Толстого «Записки маркера» / О. О. Путило // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре: материалы науч. конф. — Волгоград: Перемена, 2003. — Ч. 1. — С. 238—242 (0,5 п. л.).

5. Путило, О. О. Концепт «стыд» в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» / О. О. Путило // Л. Н. Тол-

стой и судьбы современной цивилизации: материалы XXIX междунар. Толстовских чтений. — Тула: Изд-во ТГПУ, 2003. — Ч. 1. — С. 38—40 (0,4 п. л.).

6. Путило, О. О. «Сердечная жизнь» героев в повести Л. Н. Толстого «Семейное счастье» / О. О. Путило // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых: материалы Третьей Всерос. конф. молодых учёных. — М. — Ярославль: МПГУ: Ремдер, 2004. — С. 108—111 (0,4 п. л.).

7. Путило, О. О. Эмоция страха и её отражение в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого / О. О. Путило // Диалектика рационального и эмоционального в искусстве слова: сб. науч. ст. — Волгоград: Панорама, 2005. — С. 175—178 (0,4 п. л.).

8. Путило, О. О. Особенности психологизма в повести Л. Н. Толстого «Детство» / О. О. Путило // Круг детского чтения сегодня: герои, сюжеты, поэтика: материалы регион. науч. конф. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2005. — С. 28—31 (0,3 п. л.).

9. Путило, О. О. Пространство патриархальной идиллии в автобиографической повести Л. Н. Толстого «Детство» / О. О. Путило, Л. Н. Савина // Восток — Запад: пространство русской литературы и фольклора: материалы Второй Междунар. науч. конф. (заочн.), посвящ. 80-летию проф. каф. литературы Д. Н. Медриша. — Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. — С. 558—564 (авт. — 0,4 п. л.).

10. Путило, О. О. Диалектика «ума» и «сердца» в повести Л. Н. Толстого «Казачьи» / О. О. Путило // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых: материалы Пятой Всерос. конф. молодых учёных. — М. — Ярославль: МПГУ: Ремдер, 2006. — С. 106—111 (0,6 п. л.).

11. Путило О. О. Психология конфликта и её отражение в рассказе Л. Н. Толстого «Севастополь в мае» / О. О. Путило // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие». — М.—Ярославль: Ремдер, 2006. — Ч. 1. — Вып. 2. — С. 172—176 (0,4 п. л.).

12. Путило, О. О. Идея национального единства в творчестве Л. Н. Толстого / О. О. Путило // Русская словесность в поисках национальной идеи: материалы Междунар. науч. симпоз. — Волгоград: Изд-во ВАГС, 2007. — С. 63—65 (0,4 п. л.).

ПУТИЛО Олег Олегович
РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ В ПРОЗЕ
«МОЛОДОГО ТОЛСТОГО»

Автореферат

Подписано к печати 14.11.2008 г. Формат 60×84/16. Печать офс. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ 584.

ВГПУ. Издательство «Перемена»
Типография издательства «Перемена»
400131, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27

10 =